

Шульц В.Л., Любимова Т.М. ЯЗЫК КАК КОНСТРУКТ РЕАЛЬНОСТИ И СВЕРХРЕАЛЬНОСТИ. М.: Наука, 2019. 285 с.

Рецензируемый труд содержит попытку представить картину функционирования языка в современном обществе и рассмотреть ряд моментов, связанных с его ролью как орудия манипулирования сознанием. Хотя в собственно лингвистическом плане отдельные положения авторов могут представляться дискуссионными, в целом содержащийся в книге фактический материал и предлагаемые подходы к рассмотрению роли языка в различных областях (включая намеренное искажение реальности в соответствующих целях) представляются заслуживающими пристального внимания специалистов, включая социологов. Книга адекватно отражает успехи междисциплинарных исследований, эффект лингвистического поворота в социальных науках.

Монография определяется авторами в первую очередь как труд, посвященный философии языка. Действительно, даже беглый взгляд на список использованной литературы показывает, что в ней обильно представлены такие классики философской мысли, как Г.В.Ф. Гегель, Э. Кассирер, Л. Витгенштейн и др. И само содержание книги пронизано философским подходом, который представляется в полной мере обоснованным по ряду причин. Во-первых, осмысление проблем, связанных с определением сущности языка его знакового характера, роли в деятельности человека, отношения языка и мышления и др., невозможно без учета философского аспекта, что неоднократно подчеркивалось и в собственно лингвистических работах¹. Во-вторых, хорошо известно, какую большую роль играли вопросы, связанные с языком, в целом ряде философских построений (например, концепция В. фон Гумбольдта или лингвистическая философия в XX в.). В-третьих, исследование того, как употребляют язык (а нередко, как это показывают авторы, и злоупотребляют им) в различных сферах общественной жизни, невозможно без изучения социального аспекта – предмета социологии и социальной философии. Поэтому база, на которую опирается монография, вполне отвечает поставленной авторами цели.

Однако, поскольку сформулированные задачи носят комплексный характер, постольку необходимыми для их решения оказывались (естественно, в различных масштабах), помимо собственно лингвистики, другие дисциплины, также связанные с философией, но давно обретшие самостоятельный статус. Среди них, естественно, приходится в первую очередь упомянуть семиотику и тесно связанную с ней лингвопрагматику, лингвосоциологию, социальную психологию. В пределах разрабатываемой тематики авторы учитывают разработки предшественников в данных областях науки, что позволило в большинстве случаев придать положениям и выводам если не бесспорность (которая применительно к рассматриваемым в работе вопросам вообще вряд ли возможна), то требуемую степень доказательности.

Между тем, принимая во внимание широту охвата затронутых в книге проблем, сделать это в пределах одной монографии представляется делом весьма непростым. Даже беглый взгляд показывает, что создатели стремились рассмотреть практически все сколь-нибудь значимые стороны использования языка – от информирования до высмеивания и от анализа до манипуляции. Заметим, последняя тема занимает едва ли не центральное место: из 12 глав, составляющих основную часть книги, речевому манипулированию отведено три («Манипулировать, меняя судьбы мира», «Манипулировать, меняя словом души», «Манипулировать, экспериментируя»). Такой «сдвиг» может показаться односторонним, но, на наш взгляд, он согласуется и даже обуславливается той целью, которая формулируется в предисловии: «Могуществу языка как конструкта весомой реальности и неосязаемой сверхреальности и посвящена эта книга» (с. 11). Добавим, что внимание к языковому

¹ См., например: Чесноков П.В. Философские проблемы языкознания // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 545–547.

манипулированию не исключает тщательного анализа сфер применения языка, о которых упоминалось выше.

С этой точки зрения рецензируемая книга может быть охарактеризована как соответствующая принципу разумной достаточности по отношению ко всем рассматриваемым в ней вопросам, что не исключает выдвижения на первый план тех из них, которые привлекают наибольшее внимание авторов, прежде всего вопросам лингвопрагматической направленности. В этой связи хотелось бы обратить внимание на несомненную компетентность авторов в данной области знания, о чем свидетельствует и исторический обзор ее становления и развития (с. 7–11), и практическое применение методов названной дисциплины при решении поставленных задач.

В.Л. Шульц и Т.М. Любимова наглядно продемонстрировали справедливость утверждения: «Лингвопрагматический анализ речевых актов, методика которого разработана Д.Р. Сёрлем, Д.Л. Остином и др., может позволить прояснить семантическую размытость ряда сложных понятий, определяющих реалии современного мира. Лингвопрагматика располагает инструментарием, позволяющим использовать материальное могущество слов» (с. 11). Думается, авторы поступили весьма дальновидно, привлекая в качестве иллюстративного материала не только обычные в таких случаях материалы СМИ, но и произведения художественной литературы – от Франсуа Рабле до Марины Цветаевой. Этот «литературный фон» придает изложению дополнительный интерес и позволяет раскрыть некоторые глубинные стороны рассматриваемых вопросов, поскольку именно в литературном творчестве наиболее ярко проявляются особенности использования языка.

Предназначая свою книгу, как указано в аннотации, не только лингвистам, но и социологам, философам, литературоведам и даже журналистам, авторы оказались перед некой дилеммой. С одной стороны, история языкознания не принадлежит к числу таких областей, которые были бы в достаточной степени известны представителям иных наук. С другой – излагать сведения элементарного характера и подробно разъяснять то, что специалисту представляется очевидным, значило бы снизить интерес к работе у тех, кому она в первую очередь предназначена. Как представляется, авторы нашли оптимальный подход, выделив концепции в истории науки о языке, которые действительно могут считаться наиболее важными (в чем, конечно, несомненную помощь оказала известная работа В.М. Алпатова²). Сжато и вместе с тем информативно изложение в книге взглядов не только таких ученых, чьи имена «на слуху» (в первую очередь необходимо упомянуть имя Ф. де Соссюра и его концепцию произвольности языкового знака), но и такого ученого, например, как Х. Шухардт, с которым связана «школа слов и вещей», неоднократно рассматривавшаяся в лингвистической историографии, но, как правило, не привлекавшая особого внимания. К сожалению, в весьма обширном списке литературы отсутствует работа Э. Бенвениста³. Как нам представляется, она была бы полезной для полноты представленной авторами картины. Кстати, в пособии В.М. Алпатова указанная концепция рассматривается.

Вполне оправданным является акцентирование вопросов о межкультурных контактах (и нередко связанных с ними вербальных и не только) и конфликтах. В качестве примера авторами проводится сопоставление некоторых аспектов русской и французской лингвокультур (с. 116–121); однако думается, что значение приводимых ими фактов имеет не только локальный характер. Возможно, читателям может показаться, что в некоторых рассмотренных случаях авторы занимают позицию, при которой объективность выглядит «объективизмом» (в том понимании, в котором данный термин нередко употреблялся в работах советской эпохи). Имеем в виду, в частности, трактовку авторами известного эпизода с карикатурой в журнале *Charlie Hebdo*, вызвавшей в России резкую реакцию отторжения. Позиция авторов вполне объяснима: научный труд требует всестороннего анализа исследуемого явления, а в этом плане оценка того или иного явления чужой

² Алпатов В.М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М.: Языки славянской культуры, 2001.

³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

культуры с моральных позиций, принятых в культуре своей, далеко не всегда выглядит наиболее целесообразной.

При рассмотрении лингвокультурных вопросов возникает и проблема соотношения между тем, что традиционно принято называть «внутренней лингвистикой», т.е. изучением структурных (в широком смысле слова) характеристик языка, и сознанием того коллектива, социальных групп, которые им пользуются. Со времен В. фон Гумбольдта внимание к этому аспекту актуализировалось или ослаблялось. Авторы формулируют свою позицию следующим образом: «Грамматический строй языка, его структура в какой-то мере влияет на общественное сознание <...> через т.н. языковую картину мира, а значит, опосредованно воздействует и на их социально-историческую деятельность. В свою очередь, язык передается веками от поколения к поколению и аккумулирует жизненный уклад, традиции, культуру и исторический опыт народа» (с. 53–54). Приведенное положение сформулировано корректно и само по себе вряд ли вызовет возражения. Однако его применение в конкретных случаях связано с определенными затруднениями, на что неоднократно обращалось внимание в специальной литературе. В частности, В.М. Алпатов в упомянутой выше работе, рассматривая гипотезу Сепира-Уорфа, отмечал, что «более всего интересовались такими проблемами нелингвисты», тогда как «лингвистика <...> не могла и не может ее ни доказать, ни опровергнуть»⁴. За несколько десятилетий до отечественного ученого аналогичную мысль можно найти у одного из ведущих представителей пражского структурализма В. Скалички: «Сходства и различия языковых явлений в большинстве случаев не удалось поставить в связь с явлениями иного порядка. Мы не утверждаем, что подобных связей вообще не существует, а констатируем только, что они пока неизвестны»⁵.

С интересом прочтут читатели-социологи страницы о языках, (не)использующих артикли. Остановимся в качестве примера на трактовке авторами сослагательного наклонения. Справедливо указывая: «В русском языке нет прямых грамматических форм для выражения ирреального условия», – авторы объясняют данную особенность следующим образом: «Как известно, русский литературный язык является преемником староцерковнославянского языка, созданного Кириллом и Мефодием в качестве богослужебного. <...> Исходя из этого, можно предположить, что структура церковнославянского текста, заложенная в нем картина мироздания, не предполагали регулярного использования нереального сослагательного наклонения, ибо оно не соответствовало абсолютным величинам Божьей воли» (с. 54). Однако, как известно, в старославянском (и его более поздней форме – церковнославянском) такая форма была, образуясь путем сочетания вспомогательного глагола *быти* с причастием на -л (*сътворишь бимь/сътворишь быхъ; сътворишь би/сътворишь бы* и т. д.). Поскольку образуется она как раз аналитически, приводимая в книге ссылка на слова выдающегося отечественного филолога В.В. Виноградова о том, что «в русском языке нет <...> достаточно четкого разграничения отстоявшихся сложных, аналитических форм наклонений» (с. 54), не является убедительным доказательством того, что указанная особенность *русского языка* детерминирована именно той картиной мироздания, которая заложена в *церковнославянском*. Во всяком случае, полагаем, что данный вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

Подобные дискуссионные моменты (неизбежно возникающие при рассмотрении исследуемой авторами проблематики) не меняют того обстоятельства, что монография В.Л. Шульца и Т.М. Любимовой является серьезным научным исследованием, заслуживающим внимания не только лингвистов, но и представителей смежных дисциплин – философов и социологов, занимающихся исследованиями данной проблематики.

Г.Т. ХУХУНИ

⁴ Алпатов В.М. Указ. соч., с. 226–227.

⁵ См. с. 24–25: Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. Выпуск III. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 19–35.

ХУХУНИ Георгий Теймуразович, д. филол. н., проф., зав. кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета, проф. кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия (khukhuni@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250008806-9

Shultz V.L., Lyubimova T.M. LANGUAGE AS A CONSTRUCT OF REALITY AND HYPERREALITY. Moscow: Nauka, 2019. 285 p. Reviewed by G.T. Khukhuni

Georgy T. KHUKHUNI, Dr. Sci. (Philol.), Head of the Department of Language Theory and English Studies at Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; Prof., Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (khukhuni@mail.ru).

© 2020 г.

Павлов Б.С. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.). Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2018. 825 с.

Знаковым событием для отечественной социологии на Урале можно назвать выход в свет книги Б.С. Павлова. Профессор Ю.Р. Вишневский (УрФУ) в «Предисловии» к ней определяет ее жанр как «историко-социологический экскурс в многолетние социологические изыскания социологов и экономистов» Большого Урала (с. 7). Потребность в такой работе, написанной «живым» социологическим языком и обобщающей историко-социологический и эмпирический материалы, трудно переоценить. Она полезна и интересна как опытным социологам, так и начинающим.

По истории отечественной региональной социологии написано не так много монографических работ, но региональной социологии уделяется все большее внимание. В учебнике Г.Е. Зборовского «История социологии. Современный этап» (2015) и ряде его работ (2014; 2018) имеются разделы историко-социологического содержания, посвященные уральской социологии. Следует воздать должное редакторам-составителям материалов Уральских социологических чтений Ю.Р. Вишневскому и В.Т. Шапко, которые систематизировали данные о социологии в Уральском регионе. Нужно упомянуть книгу С.А. Анисимова, Л.Н. Когана, Б.С. Павлова «Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. – 1985 г.)» (1990), историко-социологические и историко-библиографические труды Б.З. Докторова, другие исследования уральцев.

Значительным достижением рецензируемой монографии Б.С. Павлова является преeminence между прошлым и настоящим социологической проблематики – квинтэссенция всей работы. Она проявляется хронологически, пространственно и предметно. Хронологически, что совершенно справедливо для исторической работы. Предваряя исследование, в аннотации автор пишет, это «многолетние научно-теоретические и научно-практические изыски своих коллег по профессии одного из выпускников когановской школы (“коганят”) доктора философских наук, профессора Б.С. Павлова, пришедшего